

are merely anticlerical; in the *Vita Aesop* is treated more as a sage and a jester than as a fabulist, in *test.* it is the other way round.

Analysis of these motifs leads to the conclusion that there were two traditions in the Aesop legend: the popular tradition, stressing motifs of social protest, is preserved in *Vita G*; a learned, aristocratic tradition, glossing over elements of social protest, appears in the *testimonia*. The split in the tradition may be supposed to have started in about the third century B. C., and the common source of all *test.* of the first to the fourth centuries A. D. to have been some «learned life of Aesop», composed in the Alexandrian epoch to serve, perhaps, as an introduction to the *collectio Augustana*, and lost towards the fourth century A. D.

ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА ПАРФЯНСКОМ РИТОНЕ

Среди чрезвычайно интересной коллекции парфянских ритонов, обнаруженных при раскопках Нисы, один (№ 76) не может не привлечь особого внимания, поскольку в отличие от всех остальных на нем вырезана греческая надпись, состоящая из одного слова ΕΣΤΙΑΣ¹.

Естественно, что это слово требует своей расшифровки, и авторы публикации определяют его таким образом: греческое слово ἐστίας] означает «весталка», т. е. жрица Весты. Однако М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова полагают, что вероятнее здесь видеть не ном. sing., а genet. sing. от слова ἑστία, и что в таком случае надпись скорее всего указывает на принадлежность данного ритона Гестии. Исходя из этого соображения они считают, что надпись связана с центральной женской фигурой фриза и что на ритоне изображена богиня Артемида-Гестия, о чем и сообщает вырезанная на нем надпись.

Первый вывод М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой о том, что вряд ли данное слово написано в ном. sing. и означает весталку, бесспорен. Действительно, ἐστίας «весталка» — термин достаточно поздний, чтобы появиться на парфянском ритоне II в. до н. э. Однако с дальнейшим ходом рассуждений авторов публикации вряд ли можно согласиться. Прежде всего вызывает большие сомнения утверждение, что надпись связана с центральной фигурой на фризе ритона. Среди более чем 40 ритонов нет ни одного, помимо этого, на котором имелись бы какие-либо надписи под фигурами, и трудно представить, чтобы только для одной фигуры было сделано исключение. Кроме того, как нам представляется, и с точки зрения иконографии надпись никак не может быть связана с изображением на фризе ритона.]

На фризе представлена богиня, сидящая на пне среди нимф, только что закончивших охоту; одна из нимф свертывает сеть, другие тянут пойманных козочек². Ничего подобного в тех немногих памятниках античного искусства, на которых изображена Гестия, мы не наблюдаем. В античной живописи, например, Гестия изображалась либо в ряду 12 олимпийских божеств, либо в окружении ларов в момент жертвоприношения у алтаря³. Изображения Гестии в рельефе чрезвычайно редки: одно сомнительное на рельефе из театра Дипониса в Афинах и другое — на раннем галло-романском рельефе (среди 12 богов Олимпа)⁴. Еще более разительна разница известных

¹ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Парфянские ритоны Нисы, Ашхабад, 1959, стр. 140—143, 175—176. Отметим, что в последнем случае четыре раза подряд повторена одна и та же опечатка: вместо *эписолона* стоит *кси*.

² Массон, Пугаченкова, ук. соч., стр. 175; Альбом, табл. XXXVI—XXXIX.

³ S. Reinach, Répertoire de peintures grecques et romaines, P., 1922, табл. 5, 2; 102, 4; 102, 6.

⁴ S. Reinach, Répertoire de reliefs grecs et romaines, т. II, P., 1912, табл. 306.

скульптур Гестии с тем образом, который представлен на ритоне. В частности, наиболее известная статуя Гестии, так называемая Веста Джустиниани из Музея Торлония в Риме, представляет величественную женщину со слегка склоненной головой. Длинные ниспадающие одежды, полностью закрывающие ноги, и накинутае на голову покрывало являются каноничными, поскольку они характерны как для статуарных, так и для живописных изображений Гестии. Все эти изображения совершенно не похожи на то, что мы видим на ритоне, где богиня одета в коническую шапочку и одна нога ее обнажена от колена, что совершенно немыслимо для воспроизведений Гестии.

Точно так же трудно допустить, что перед нами синкретический образ Гестии-Артемиды. Гестия весьма мало подвергалась синкретизации и при том только в поздней литературе, где она могла объединиться с Кибелой, Геей и Деметрой. Никаких свидетельств о том, чтобы Гестия объединилась с Артемидой, мы не знаем.

Таким образом, ясно, что предположения М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой оказались уязвимыми для критики в некоторых весьма существенных пунктах, что и заставляет нас несколько по-иному подойти к истолкованию этой надписи.

Прежде всего необходимо понять, что представлял собою культ Гестии в Греции. Культ этой богини очень древний⁵, восходящий к культу огня эпохи индоевропейской общности и сохранившийся как культ Гестии в Греции, Весты — в Риме, Агни — в Индии. Огромную роль он играл и у ираноязычных народов. В древнегреческой литературе Гестия впервые упоминается в «Теогонии» Гесиода, где она фигурирует как старшая дочь Реи и Кроноса и сестра Деметры и Геры (Hesiod., Theog. 453). Согласно гомеровским гимнам, у нее нет специального храма, но ей поклоняются во всех храмах, и ей принадлежат первое и последнее возжигания (Hom. Hymn. Aphr. 29 слл.; Nest. 4—6). Это подтверждается и более поздней литературной традицией. Эврипид называл Гестию хозяйкой огня, идентифицировал ее с Персефоной и ставил в связь с Гефестом (σὺ δ' ὦ πυρὸς δέσποινα, Διμήτρος Κόρη 'Ηφαίστέ' εἶτε πρηνεμεῖς δόμοις ἐμοῖς — Eurip., Phaëth. 301). Платон писал, что первое жертвоприношение должно принадлежать Гестии (τὸ γὰρ πρὸ πάντων θεῶν τῇ Ἑστίᾳ πρῶτῃ προδίδειν — Plato, Cratyl., 401 D). Подобные утверждения есть и у Павсания (V, 14, 5).

В Греции мы постоянно сталкиваемся с известной двойственностью образа Гестии: иногда она предстает как антропоморфное божество домашнего очага, а иногда — как сам огонь. Как бы то ни было, Гестия постоянно выступает как некая божественная сила, тесно связанная с домашним очагом, центром семьи.

Однако помимо этого частного значения она имеет еще и другое — общегосударственное, о чем есть целый ряд свидетельств. У античных авторов неоднократно упоминается о том, что культ Гестии отправлялся в пританее. Схолиаст Пиндара вообще утверждал, что все пританеи посвящены Гестии, поскольку именно там находился алтарь со священным огнем, который олицетворял собой общий очаг полиса (τὰ πρῳτανεία φησι λαχεῖν τὴν Ἑστίαν παρῶσον αἱ τῶν πόλεων ἐστία ἐν τοῖς πρῳτανείοις ἀφίδρυνται καὶ τὸ ἱερὸν λεγόμενον πῦρ ἐπὶ τοῖς ἀπόκειται — Schol. Pind. Nem. XI, 1a). В Мантинее общественный огонь, огонь Гестии, находился не в пританее, а в специальном круглом здании, по-видимому, недалеко от пританея (Paus. VIII, 9, 5). Культ Гестии-Пританеи широко засвидетельствован в древней Греции: на Сипросе, Лесбосе, в Синопе, Навкратисе⁶. Кроме Гестии-Пританеи поклонялись также Гестии-Булейи, культ которой связан с общественным алтарем в здании заседания буле полиса. Этот культ известен в Афинах, Пергаме, Эретрии, на Книде и в других местах⁷. Вообще для всей Греции было характерно, что культ Гестии ассоциировался с центром общественной жизни полиса или даже союза полисов⁸. Иногда Гестия выступала

⁵ L. R. Farnell, The Cults of the Greek States, т. V, Oxf., 1909, стр. 345.

⁶ Farnell, ук. соч., стр. 348.

⁷ Там же.

⁸ Так, например, в главном храме Ахейского союза был алтарь Гестии (P o l y b. V, 93, 10).

и как охранительница городской собственности, так, например, на Косе была Гестия *Ταμία*⁹.

Греки не видели того противоречия в культе Гестии, которое отмечаем мы. Для древнегреческой мысли наиболее естественным было умозаключение, что полис как наивысшая форма человеческого объединения создается из семьи, дома (*οἶκος*) через посредство деревни (*κῆρυξ*), которая возникает в процессе разрастания первичной семьи. Такие идеи, в частности, развивает Аристотель¹⁰. В силу этого нет принципиальной разницы между семьей и полисом, это только различные ступеньки одного и того же процесса. Поэтому культ Гестии-Пританеи или Гестии-Булейи рассматривался как культ, игравший ту же самую роль в отношении всего полиса, как культ домашнего очага — для первичной ячейки полиса — семьи.

Появление Гестии на востоке эллинистического мира, очевидно, связано с обширной градостроительной деятельностью Александра Македонского и Селевкидов, поскольку в каждом полисе должен был быть свой огонь, зажженный от огня того греческого полиса, из которого выводилось население для основания нового полиса.

После отпадения парфян и возникновения государства Аршакидов, можно полагать, греческий культ Гестии претерпел известные метаморфозы. Именно в это время начинается взаимодействие местной и греческой культур, которое коснулось и религии¹¹. Достаточно широко известно, какую большую роль играл культ огня у народов, исповадовавших ту или иную форму зороастризма¹². Есть достаточно много оснований считать, что среди парфян был распространен зороастризм, хотя, весьма вероятно, отнюдь не в той форме, которая позднее была канонизирована Сасанидами. За это говорит и свидетельство Юстина о зороастрийском методе погребения парфян (Just. XLI, 3, 5), подкрепленное данными, полученными при раскопках оссуарного некрополя парфянского времени у Мунон-депе в Маргиане¹³, и сведениями нисийского архива¹⁴.

Однако кроме этих сведений есть еще сообщение Исидора Харакского, в котором прямо говорится о том, что вечный огонь в Асааке был зажжен в момент коронации первого парфянского царя (*πόλις δὲ Ἀσαάκ, ἐν ᾗ Ἀρσάκης πρῶτος βασιλεὺς ἀπεδέεχθη καὶ φυλάττεται ἐνθάδε πῦρ ἀθάνατον* — Isid. Char., Mans. Parth. 11). Подобная практика была распространена и у других ираноязычных династий. Известно, например, что в храме Сурх-Котала огонь возжигался в честь кушанского царя Каннишки¹⁵, точно так же особый огонь возжигался и в честь каждого сасанидского царя¹⁶.

Таким образом, и у греков и у ираноязычных основателей Парфянского государства существовали сходные культы огня. Естественно предположить, что в условиях тесных культурных контактов могли начать объединяться и эти два культа. Единство между ними определялось их весьма близкой ролью в этих системах религиозных верований: культ огня как воплощение святости домашнего очага и государственный огонь как воплощение единства государства. Разумеется, между ними были и различия, обусловленные тем, что культ Гестии был тесно связан с полисом, а культ огня у парфян — с династией. Однако в условиях Парфянского государства греческие черты могли отойти на второй план, тем более что в самом культе Гестии-Пританеи имелись, как это весьма удачно показал Фарнелл, многие черты, восходящие к тому време-

⁹ Farnell, ук. соч., стр. 349.

¹⁰ А. И. Доватур, Политика и Полития Аристотеля, М.—Л., 1965, стр. 8.

¹¹ Г. А. Кошеленко, Культура Парфии, М., 1966, стр. 21.

¹² J. Duchesne-Guillemin, La religion de l'Iran ancien, P., 1962, стр. 77 сл.

¹³ Г. Кошеленко, О. Оразов, О погребальном культе в Маргиане в парфяское время, ВДИ, 1965, № 4, стр. 42 сл.

¹⁴ И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, Документы из Нисы I в. до н. э., М., 1960, стр. 24.

¹⁵ D. Schlumberger, The Excavations at Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India, «Proceedings of the British Academy», XLVII, 1961, стр. 98.

¹⁶ Там же, стр. 98.

ни, когда Гестия-Пританейя была божеством домашнего очага базилевса, у которого полис наследовал этот культ¹⁷. Эти реминисценции были достаточно живучи в Греции в классическую эпоху¹⁸ и позднее¹⁹. Подобные соображения заставляют видеть в надписи ΕΣΤΙΑΣ на ритоне свидетельство того, что он связан с культом Гестии на той его стадии, когда культ этот в условиях Парфянского государства сливался с иранским культом огня.

В Старой Нисе известен храм огня²⁰, архитектура которого восходит к древнеиранскому храму огня, открытому на акрополе Суз. Видимо, именно служителям этого храма принадлежат три печати (№ 34, 35, 40), найденные на территории Старой Нисы и опубликованные М. М. Дьяконовым²¹. Все они имеют одинаковые надписи из трех слов. Первые два слова М. М. Дьяконов перевел «огонь дома», третье же слово он прочитать не смог. Это третье слово сумел расшифровать Я. Харматта²², прочитавший эти надписи следующим образом: «огонь дома Аршака». Таким образом, стало очевидным, что в древней Нисе был храм огня, посвященный предкам Аршакидской династии. В культе, справлявшемся в этом храме, слились как иранские, так и греческие религиозные представления.

Помещение же ритона в царскую сокровищницу можно объяснить тем, что, видимо, этот ритон использовался при коронационных торжествах одного или нескольких парфянских царей. В честь каждого из царей зажигался особый огонь, и первое возлияние в честь Гестии, олицетворявшей собой этот общегосударственный огонь, совершалось из специально помеченного ритона. Данное предположение кажется особенно вероятным, если вспомнить, какую роль играл ритон в сценах получения царем власти от бога (или богини) в искусстве ираноязычных же скифов и сарматов²³.

Мы сознаем, что наше понимание назначения ритона и значения надписи на нем не бесспорно, но, как нам кажется, оно менее уязвимо, нежели толкование М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой.

Г. А. Кошеленко

A GREEK INSCRIPTION ON A PARTHIAN RHYTON

by G. A. Koshelenko

The article deals with the question of how to interpret the inscription ΕΣΤΙΑΣ on one of the Parthian rhytons found at Nisa. In the author's opinion the inscription indicates the existence in the early Parthian period of a cult of fire, sacred to the deified ruler, in which ancient Iranian and Greek traditions merged.

¹⁷ Farnell, ук. соч., стр. 350.

¹⁸ См. Arist., Polit. 1322b 26.

¹⁹ Suid, s. v. ἄρχων.

²⁰ Кошеленко, ук. соч., стр. 18 сл.

²¹ М. М. Дьяконов, Надписи на парфянских печатях из древней Нисы, ВДИ, 1954, № 4, стр. 169—173.

²² J. Harmatta, Die sassanidische Siegelinschriften als geschichtliche Quellen, «Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», XII, 1964, № 1—2, стр. 218—220.

²³ М. И. Ростовцев, Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре, ИАК, 49, 1913, стр. 14 сл.; W. Blawatsky et G. Koshelenko, Le culte de Mithra sur la côte septentrionale de la Mer Noire, Leiden, 1966, стр. 6.